

КАК Я ХОТЕЛ, ЧТОБ РОДИНА ВЗДОХНУЛА...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАЙОРУ Ш., РАБОТНИКУ
ВОЕНКОМАТА Г. ЧЕРЕПОВЦА

Товарищ майор!
Не думал, возвращаясь из командировки, что буду писать, обращаясь лично к Вам. Я хотел написать статью о казенном отношении к памяти юного человека, погибшего в Афганистане. О стене, в которую четвертый год бьется отец, скоротивший сына на сельском кладбище в 35 километрах от Череповца. Это была бы одна из тех статей, на которую через месяц, другой приходит ответ: «Меры приняты».

Сейчас я понял, что не могу написать такую статью. Не нужна она отцу солдата. А что «меры» будут приняты — к чему они ему, эти меры?

Унижения так и останутся в памяти унижениями.

Николай Васильевич Соколов на прощанье сказал мне: «Ничего уже не хочу, только в глаза ему посмотреть». То есть, Вам в глаза.

Мы с Вами встречались два раза — глаза в глаза — но тек и не поняли друг друга. Мы даже говорили с Вами о разном. 27 октября прошлого года я рассказал Вам о письме Соколовых в редакцию, а Вы мне — о том, какая бедная организация — военкомат, о том, что нет у вас ни железа, ни сварочного аппарата. Я Вам напоминал о постановлениях ЦК, правительства и министерства обороны, о Ваших личных обещаниях. А Вы мне говорили, что хлопоты с оградой для могилы — это для Вас «заботы побочные». Из глухой обороны Вы переходили в наступление: «А почему Соколов через свое руководство не заказал ограду? У них там и машина есть, и все, что надо. А у нас, сами видите, ничего нет, одни бумажки...».

В конце того разговора

Вы попросили меня записать в блокноте дату: «2 ноября 1988 г.». Именно в этот день Вы собирались позвонить Николаю Васильевичу Соколову и сказать ему точно, когда и где он может получить ограду. (Об установке ограды и речи не было. Считается, видимо, что это личное дело родителей погибших). Я очень просил Вас не забыть об этой дате и Вы сказали, что я могу смело обнадеежить Николая Васильевича — все будет в порядке. Потом Вам захотелось поторгаться. Как бы в обмен на Ваше великодушие, редакция, по Вашему мнению, должна была «осветить» деятельность Индустриального РВК и Вашего отдела, в частности.

Вы не позвонили отцу солдата ни 2 ноября, ни 2 декабря, ни даже 2 января. 17 января я снова пришел к Вам. Перед запертой дверью стояли парень-«афганец» и старик, ветеран Отечественной. У парня в военном билете не хватало какого-то важного штампа — не поставили там, в Афганистане, а здесь который раз ему приходится объясняться, краснеть, как школьнику. У старика тоже что-то в бумагах не сходилось...

И опять мы говорили с Вами на разных языках. Я спрашивал Вас, почему Вы не позвонили, а Вы: «Присядьте, пожалуйста. Что это вы в сапогах?..». Я о своем, а Вы: «Заела тучка... Но ограда готова». Потом Вы стали звонить на кладбище, но про ограду Вам выяснить ничего не удалось. Наверное, Вы звонили туда первый раз. По-

том Вы вдруг сказали, что «прорабатывали этот вопрос с клубом воинов-интернационалистов». Я спросил, не считаете ли Вы нужным извиниться перед семьей Сергея Соколова — Вы ответили, что надо бы, но телефона Николая Васильевича у Вас нет. Я дал Вам этот номер, но как поверить, что в военкомате нет ни телефона, ни адреса Соколовых? Если это правда, то как верить вашим отчетам и справкам, из которых следует, что военкомат неустанно заботится о семьях погибших?

Вчера, 20 января, я звонил Николаю Васильевичу Соколову. К телефону подошла женщина, которая работает вместе с ним, и сказала, что Соколов уже нет на работе, ушел домой раньше обычного. Потом она рассказала мне, что с утра Николай Васильевич заказал машину для перевозки ограды. (Накануне Вы сообщили ему, что в 9 часов 20 января Вы вместе поедете за оградой). К девяти утра Николай Васильевич приехал к военкомату. Ждал Вас до 10.00. Затем искал Вас в здании военкомата. Никто не смог указать ему, где Вы находитесь, сказали только, что Вы на заседании, которое неизвестно где проходит и неизвестно когда кончится. Николай Васильевич вернулся на работу, закрыл дверь кабинета и не смог сдержаться — он заплакал.

Когда я узнал об этом, то первая мысль была: разговаривать нам с Вами больше не о чем. Надо звонить Вашему начальству, телеграфировать в министерство обороны, бежать в военную прокуратуру — надо что-то с Вами делать!

Сейчас, поостыв, я думаю, что ничего с Вами делать не надо. Вас нельзя трогать с места. Хотя бы потому, что до Вас на этом месте работал капитан Николаев. Придет вместо Вас капитан Иванов или майор Сидоров — не уверен, изменится ли что-нибудь.

Вот поэтому и обращаюсь снова к Вам.

И хочу напомнить еще об одной своей просьбе. Я просил Вас сделать запрос в ту часть, где служил Сергей и выяснить судьбу его награды. Сергей был представлен к ней еще при жизни. Но даже если вышестоящее командование по каким-то причинам отменило это представление, оно должно было представить Сергея, и выяснить судьбу его Солдат погиб геройски, в неравном бою, и это известно не только по воспоминаниям товарищей Сергея. Об этом свидетельствует и письмо из части, которое получили Соколовы вслед за похоронкой.

«...Подразделение, в котором находился Ваш сын, выдвигалось в район засады. Колонна во время движения была обстреляна бандой мятежников... Быстро и грамотно оценив обстановку, Сергей занял удобную огневую позицию и открыл меткий, уничтожающий огонь по противнику. Но внезапно разор-

вавшаяся рядом с ним мина смертельно ранила в голову и грудь Вашего сына и он, не приходя в сознание, умер на руках у товарищей. За время прохождения службы в нашей части, рядовой Соколов Сергей Николаевич зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны... Он всегда был честным и отзывчивым товарищем.

Примите нашу большую командирскую благодарность за воспитание Вашего сына — достойного защитника нашей любимой Родины.

21 мая 1985 г..

Сама логика этого письма подводит к единственному возможному решению: «наградить посмертно». Но такого решения принято не было. Восстановить справедливость по отношению к павшему солдату — это тоже для военкомата «побочные заботы»?

Узнать бы, кто, где, да как решал — достоин павший с оружием в руках награды или не достоин? Достоин он последнего полклена Родины или нет? Кажется, сам вопрос-то задавать кощунственно, но где-то там, наверху, видно, думают по-другому. Иначе не лежали бы на наших кладбищах посмертно награжденные одной лишь строчкой — «погиб при исполнении...».

В первую нашу встречу Вы жаловались, что пресса «очерняет» работников военкоматов. Никто не хочет войти в ваше положение, а тем более «встать на ваше место». Да, журналисты могут быть пристрастны, но есть люди еще более пристрастные. Это родители погибших. И они будут пристрастны по одной лишь причине: вы входили в их дома не с добрыми вестями, а с похоронками. Что и говорить — горше той доли, что достается вам, для военного человека и быть не может. Привыкнуть к похоронкам нельзя. И как тогда не болеть вашей душе за почерневшую от горя мать, за постаревшего вмиг отца? Но если невозможно забыть их лица, то как можно забыть просьбу этих людей, слово, данное им?

В одной из прошлых публикаций («Спасибо, что они есть», «ВК» от 5 августа 1988 г.) работники областного военкомата увидели «очернительство» в том, что мы рассказали, как бывший горвоенком Череповца Суворов почти два года обещал родителям погибших ребят установить достойные памятники на могилах. «За чем вспоминать? Дело прошлое, и Суворов тот давно лов. Афганистан, 1984 год.

ОТ РЕДАКЦИИ: Не называем фамилии адресата письма в надежде на понимание, на то, что в ответ мы получим не отповедь, не озлобление, а отклик сердца. Кроме того, нам не хотелось бы обратить всю критику на одного человека в то время, как речь идет не только о «забывчивости» конкретного должностного лица. Этой «забывчивостью» страдают многие полезные во всех отношениях организации и учреждения. Это уже система, которая может разбить сердце человеку. Поэтому военкомат, в данном случае, может быть как раз исключением из правил. Хотелось бы в это верить.

Афганская тема

здесь не работает, а то мы бы ему дали...». Дело прошлое, и на могилах ребят стоят сегодня достойные памятники, а не железные «пирамидки». Человек, от имени государства обманывавший людей, переведен в другие края. Но можно ли родителям павших простить его, когда никто не просил прощения? Когда никто не отвечает за то, что было до него, а чувство вины, если оно и было, не передается от уходящего начальника к вновь назначенному, как передаются папки с делами — под роспись?

Недавно услышал, как один подполковник, обращаясь к штатской аудитории, сказал строго: «Вот сейчас поют песни про Сергею, который погиб, мол, зря, а все от чего? От того, что все втихую сделали. Надо было собрать ЦК, военную коллегию, по телевизору заявить, что все решено коллегиально, а после этого выпустить международного, чтобы он рассказывал, как в годы нашей революции Афганистан помог нам хлебом. Тогда бы все поняли и не пели бы таких песен...».

Получается, вся ошибка лишь в «оформлении» войны, а так все по закону, и нечего роптать, и нечего слишком уж печалиться. Ведь незаменимых у нас, как известно, нет, как нет и пророков.

И все-таки, как ни глуши его, а есть оно у нас — чувство вины. Только мы боимся его, стесняемся, что ли. А когда спит это чувство, бессильны все правительственные постановления. Они не могут быть гуманными сами по себе. Можно записать там слова о 50% скидке на лекарства, но если его нет в аптеке и нет во всем городе — к чему эта скидка? Можно записать слова о бесплатном проезде в городском транспорте, но согреют ли они того инвалида, который не может выйти из дома? Можно установить памятники на могилах «афганцев» за счет государства, но легче ли от этого родителям там, где похоронная мафия не боится ни бога, ни черта, ни министерства обороны? Там, где обирают и вымогают без всякой конспирации, где бизнес на горе делают внаглую, не опуская глаз?

Нет, это не награды, не льготы, это нежность и благодарность Родины не доходят до людей, опаленных Афганистаном...

С армейской поры остался в моем блокноте выписка из Андрея Платонова: «Офицер есть образ Родины для солдата... Никого иного нет ближе для солдата в час битвы, в час его возможной смерти».

А после смерти?

Дмитрий ШЕВАРОВ.

21 января 1989 года.

На снимке: Сергей Соколов. Афганистан, 1984 год.

Уважаемая редакция! Обращаемся к вам за советом, да и за помощью. На страницах «ВК» часто поднимается «афганская тема», это и навело на мысль обратиться к вам.

Наш сын Сергей погиб в Афганистане 20 мая 1985 года, выполняя интернациональный долг. Хотелось узнать: долг существует только для тех, кто был послан в Афганистан или есть долг и у тех, кто там не был — долг в память о погибших?

Похоронили Сергея на родине, в Батранском сельсовете. Там похоронена бабушка Сергея и его брат, наш сын Евгений. После похорон работник череповецкого горвоенкомата капитан Николаев сказал нам, что надгробие и ограду из цемента сделают. Через год надгробие было сделано. Я привез его из Вологды, установил на кладбище. А вот ограды так и нет. В декабре 1987 года нас пригласили в горвоенкомат для совета о постройке мемориала в память погибших в Афганистане (уже в который раз — счет не вели) об ограде. Капитана к этому времени уже сменил майор, он сказал, что ничего не знает, обещал помочь, только прислал ему напомнить, тогда, мол, к Дню Победы сделаем. В апреле напомнили и потом еще несколько раз... В начале сентября 1988 года майор ответил, что если мы заплатим за изготовление ограды, то обязательно к четвергу сделают, только уже прошло много четвергов, а ответа так и нет.

Сергей учился в СПТУ № 8 и мы благодарны им за память о нем. Коллектив ежегодно 8 мая возлагает венки на его могилу.

Поверьте, очень больно писать, чувствовать себя просителем. Мы не просим и не требуем для себя льгот, а только памяти людской и совести.

Извините, может, мы и не правы, что просим, но равнодушные также ранят как пули, только без крови. Публиковать наше письмо не обязательно, да, пожалуй, и вовсе незначим, а если можете помочь — помогите. Мы уже просить больше не будем.

С уважением —
СОКОЛОВЫ.

Здравствуй, родные мои мать, отец и братишка! ...Мама, ты пишешь, что бабушка говорит, что я как колхозник сфотографировался. Но ведь это наша повседневная форма... Мама, если где подвернутся в киоске фотографии Череповца, то обязательно купи и вышли. А то так по дому соскучился, хоть волком вой иной раз бывает. За операцию представили к награде. Не знаю только, что из этого получится. Некоторые уже по два раза награждены, но награды не доходят. До свидания, крепко вас обнимаю, целую — ваш сын Сергей. 05.01.84.

